

Г.В. Галыгина

СОДЕРЖАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ ГЕРМАНИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1916 гг.)

(По материалам Центрального государственного архива Самарской области)

В ноябре 2014 г. сотрудниками ЦГАСО был подготовлен к изданию сборник документов по истории Самарской губернии в период Первой мировой войны. В процессе работы было выявлено значительное количество документов о пребывании военнопленных Германии и Австро-Венгрии на территории Самарской губернии. Проблема военнопленных чаще всего рассматривается в контексте обеспечения экономики недостающей рабочей силой, но нам представляется важным и более детальное изучение условий содержания военнопленных, их хозяйственной деятельности, особенностей положения пленных с учетом национальной принадлежности, вопросы взаимоотношений пленных с местным населением.

Военнопленные в России, как и во всех воюющих государствах, почти с самого начала войны служили источником дешевой рабочей силы. Они стали существенным подспорьем в замене рабочих и крестьян, мобилизованных на военную службу. Уже в августе 1914 г. правительство предложило принудительное привлечение военнопленных к казенным и общественным работам без особой платы за труд, имея в виду «дорожные, мостильные и вообще строительные»¹ работы.

По предварительным подсчетам для выполнения этих работ земским и городским управам Самарской губернии требовалось около 3,5 тысяч военнопленных. Из этого количества только Самара запросила 1200 человек, в чем городской управе, правда, было отказано, так как было признано «невозможным сосредоточение столь значительного числа военнопленных, принадлежащих к государствам, находящимся в войне с Россией, в таком важном пункте как Самара»². География работ военнопленных в этот период ограничивалась только пунктами их размещения, а таковыми были, кроме Тощкого лагеря (у с. Тощкое Бузулукского уезда) уездные города губернии.

В Самаре военнопленные (их количество не превышало 350 человек) трудились на земляных и других работах по постройке и эксплуатации трамвая, на постройке 4-й пожарной части, занимались битьем щебня в Струковском саду, планировкой земли под мостовую за Панским переездом, ремонтом набережной р. Волги, выполняли канализационные работы, трудились на городской скотобойне, в мастерской губернской комиссии по пошивке обуви для армии и т. д.³

В уездных городах военнопленные выполняли следующие работы: выравнивание и засыпка низменных мест улиц, очистка канав, устройство мостовых, рытье водосточных канав, рубка дров, плотничные работы, земляные работы на водопроводе, засыпка оврагов, устройство спусков, уборка мусора и т.д. В уездах пленных использовали на работах по расчистке льда и снега, устройству дамб, насыпей и плотин, расчистке прудов, строительстве мостов, на работах в лесничествах и Самарском казенном питомнике.

Продолжительность рабочего дня военнопленных составляла от 9,5 до 12 часов, перерыв в обеденное время - 1 ½ часа. По субботам рабочий день продолжался только до обеда; в праздничные дни не работали, кроме исключительных случаев. Все работы производились под наблюдением технического персонала, конвойных и лиц, избираемых из пленных⁴.

Что касается результатов труда военнопленных, то в целом они оценивались как удовлетворительные, однако некоторыми управами отмечалось низкая производительность труда военнопленных - «в 2 или более раза меньше, чем обыкновенного русского рабочего»⁵, причинами которой назывались «нежелание работать» и «неприспособленность военнопленных к поименованным работам». Впрочем, очень быстро нашелся способ исправить ситуацию: первоначально труд военнопленных на земляных работах в Бугуруслане управа оценила как «малопродуктивный, но таковой, после того как город, кроме назначенной им платы за труд стал выдавать 1 фунт калача на человека, заметно стал продуктивнее, чем был до того времени»⁶.

Военное время вносило свои коррективы, и приходилось, отступая от установленных правил, использовать не только физическую силу пленных, но и другие профессиональные навыки: так, в связи с наплывом беженцев возникла крайняя необходимость в медицинском персонале из военнопленных⁷. Правда, для привлечения их к работе требовалось особое разрешение Главного управления Генерального штаба.

17 марта 1915 г. были утверждены «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». К сожалению, сведений об этой стороне хозяйственной деятельности пленных сохранилось немного, но те документы, которыми мы располагаем, говорят о некотором кон-

фликте интересов владельцев предприятий и военных и гражданских властей. Отметим, что по распоряжению правительства большинство военнопленных немцев и мадьяр было отправлено за Урал, а в Европейской России оставляли пленных-славян. Владельцы промышленных предприятий старались заполучить на свои предприятия военнопленных – немцев, рассчитывая на то, что среди них имеется значительное число квалифицированных рабочих. Власти же, опасаясь шпионской деятельности немцев, стремились удалить таких рабочих и заменить их славянами. Характерной в этом отношении была ситуация на механическом заводе Мамина в Балаково, куда с проверкой приехал фабричный инспектор. Выяснив, что на заводе в качестве слесарей и токарей работают 11 военнопленных германцев, он посчитал, что они «представляют собой элемент, наименее подходящий для промышленных предприятий, работающих на оборону государства, вследствие их непримиримости и несомненного стремления к шпионажу» и предложил владельцу удалить «этих германцев» с завода. По его словам, «пожелание это вытекало из тех соображений, что германцы, работая на заводе, изготовляющем военные снаряжения, не только хорошо [знакомы] с производством данного завода, его размерами, техническими тайнами, но, благодаря общению с другими рабочими, могут получить все подобные сведения и о всех заводах Балаковского района, и воспользоваться этими сведениями во зло интересам государственной обороны»⁸. После удаления с завода военнопленных немцев на завод были командированы славяне из числа чернорабочих, которых заводоуправление принять отказалось.

В 1915 г. основной контингент военнопленных был направлен в сельское хозяйство. Крайний дефицит рабочих рук в этой отрасли экономики объяснялся тем, что к июлю 1915 г. правительством предполагалось направить в 32 губернии страны 240 тысяч военнопленных, однако в пункт их распределения было доставлено лишь 167 тыс. 267 человек, так что, за вычетом рабочей силы для иных срочных работ в сельское хозяйство было направлено лишь половина потребного числа - около 119 тыс. человек»⁹.

В периоды посевной или уборки урожая все, без исключения, военнопленные снимались с любых других работ и отправлялись на сельскохозяйственные работы. Самарская городская скотобойня, удовлетворяющая нужды не только городского населения, но и потребности в мясе воинских частей, лазаретов и консервного завода, испытывающая крайний недостаток рабочих из-за мобилизации и невозможности использовать женский труд, запросила всего 20 человек военнопленных, но и такое ходатайство было отклонено¹⁰.

Для покрытия дефицита рабочих рук в сельском хозяйстве было решено перевезти из-за Урала все оставшееся число трудоспособных пленных. Численность этого контингента составляла около 120 тыс. человек, которые и были распределены между 29 губерниями, поставляющими наибольшее количество зерна для страны и армии. В Самарскую губернию было направлено 7 тыс. пленных, по 1 тыс. в каждый из уездов¹¹.

Настоящая же потребность Самарской губернии в военнопленных сельскохозяйственных рабочих была установлена на совещании председателей уездных земских управ: Самарскому уезду требовалось 5 тыс. человек, Ставропольскому – 3 тыс., Бузулукскому - 10 тыс., Бугурусланскому – 6 тыс., Бугульминскому – 2,5 тыс., Николаевскому - 25 тыс., Новоузенскому 15 тыс., а всего - 66 500 человек¹². Эти цифры были обусловлены 50% сокращением посевной площади губернии, а дефицит рабочих рук грозил «дальнейшим сокращением посевного клина, что может иметь самые губительные последствия»¹³.

Большая часть военнопленных трудилась в экономиях (чаще всего в тех, которые являлись поставщиками сельхозпродукции или фуража для армии) и значительно меньшая - в крестьянских хозяйствах.

Отношения военнопленных и их новых хозяев складывались непросто. С одной стороны, обеспечение пленных было крайне неудовлетворительным: даже в 1916 г. военнопленные в некоторых уездах не были обеспечены ни помещением, ни охраной, ни медицинской помощью¹⁴. Кроме того, хозяева старались использовать труд пленных по максимуму. По свидетельству одного из крестьян, «[он] своим военнопленным доволен. Весной был случай, что он отказался от ночной пастьбы скота, но это вызвано тем, что по возвращении с пастьбы хозяин, имея работника только одного, дает ему тут же новую работу, делая ему самый незначительный отдых – только во время завтрака»¹⁵. Что касается выходного дня для военнопленных, то согласно «Правилам...» пленные должны были работать и в свои праздники и в воскресные дни, если это вызывается необходимостью, и если русские рабочие работают в эти дни. Вместо воскресных дней им предоставлялся для отдыха ближайший будний день, но на период сельскохозяйственных работ было «признано возможным... разрешить, в виде исключения, привлекать на время страдной поры военнопленных на сельские работы и в воскресные дни, без замены таковых отдыхом в один из ближайших дней»¹⁶.

Недовольные создавшимся положением военнопленные в массовом порядке отказывались от работы; частыми были и побег. Все это, в свою очередь, приводило к ужесточению наказаний для военнопленных.

На первых порах право налагать на пленных дисциплинарные взыскания имело только Военное ведомство, но уже в июле 1915 г. такое право было предоставлено «губернскому начальству ... через посредство начальников местной полиции»¹⁷. Самым распространенным наказанием был 7-дневный

арест.

К июлю 1916 г. была разработана новая система наказаний для военнопленных. Так, отказывающиеся от работ военнопленные могли быть подвергнуты простому, строгому или усиленному аресту, или всем видам ареста вместе (до 1 месяца). Арестам сопутствовали ограничения в пище (хлеб и вода, горячая пища 1 раз в три дня), светлые и темные карцеры, голые нары. «В случае крайнего упорства со стороны военнопленных» могло применяться 3-месячное тюремное заключение, правда, эта мера признавалась исключительной, так как лишала сельских хозяев их работников на весьма продолжительное время¹⁸.

Однако, следует понимать, что такое «наступление на права военнопленных» было обусловлено реалиями военного времени. Максимальное использование труда военнопленных было вызвано катастрофической нехваткой рабочих рук. К марту 1916 г. во всей Самарской губернии на сельхозработках было занято 17 535 человек военнопленных¹⁹, а только в одном Новоузенском уезде к февралю того же года число ушедших в действующую армию работников достигало не менее 35 тыс. человек²⁰.

Кроме того, в документах ЦГАСО достаточно свидетельств о вполне доброжелательном отношении населения к военнопленным. По сведениям Губернского жандармского управления, «во время прихода и отправления поездов с военнопленными на железнодорожных станциях, и в особенности на ст. Самара, находящаяся на платформах публика входит в тесное соприкосновение с военнопленными, и, выражая то или другое сочувствие, приобретает у них вещи и проч. и даже были случаи поднесения цветов». К находящимся на лечении в госпиталях и лазаретах Самары военнопленным отношение было настолько доброжелательным, что медицинскому персоналу был сделан строгий выговор²¹.

Во многих хозяйствах военнопленные работали в течение нескольких лет и желали продолжать работу на прежнем месте, что, в свою очередь, соответствовало интересам хозяев. Нередки были просьбы крестьян «...исходатайствовать как-нибудь австрийцев, и тем более [тех], которые находились здесь, а сейчас они находятся в Сызрани и очень напрашиваются на работу, так как прислали более 50 писем на места и очень просят старых хозяев, чтобы взяли их на работу»²².

К сожалению, в ЦГАСО сохранились лишь единичные документы, в которых сами военнопленные описывали свою жизнь в условиях плена. Такова, например, жалоба военнопленных, работавших в селе Шламском Самарского уезда: «... Мы находимся в числе 11-ти человек военнопленных, работающих у Петра Александрова в Шламском. Мы находимся здесь уже 9 месяцев, но обращение с нами неопишимо скверно. При нас находится полицейский, который о нас совсем не заботится, он держит сторону хозяина; они вместе с хозяином гоняют и бьют нас целый день. То, что мы получаем скверную пищу, на это полицейский не обращает внимания, и мы должны каждое утро вставать в 3 часа и в 10 часов получаем мы ужин, а в 11 только идем спать.

Полицейский сам себя выдал, что он получает от хозяина 5 рублей за то, чтобы он гнал нас на постоянную работу, и чтобы был пристрастен. В воскресенье 2 июля полицейский послал Клопфера в поле за травой с телегой, тот был нездоров, и не мог идти; тогда полицейский его так избил саблей, что тот упал. Когда он уже лежал весь израненный, пришел к нему хозяин и еще побил его так, что нанес ему под глазом совсем большую рану. Били также Фогеля и Ердея, невинных... Нам здесь негде пожаловаться, потому что нас никуда не пускают, а мы не думаем, что русские законы были такие скверные в отношении пленных. А потому просим покорнейше уважаемую команду сжалиться над нами и переменить нам полицейского, и дать нам знать, что обязаны ли мы вставать в 3 часа утра и работать до 9 вечера. Мы хотим работать и будем работать с удовольствием, но мы не получаем того, что нам надлежит, денег он нам не хочет давать, даже и тем, кто имеет хорошие мундиры и сапоги, белье»²³.

Следует отметить, что в официальной переписке практически отсутствуют сведения о жестоком обращении с военнопленными. Только члены делегации Датского Красного Креста, прибывшие в Самарскую губернию в 1916 г., уведомили штаб Казанского военного округа о фактах избиений военнопленных. «Датская делегация сообщила штабу округа следующие жалобы, выслушанные ей при посещении в сентябре военнопленных, находящихся на работах в пределах Самарской губернии. Военнопленные, работающие на Богатовском заводе (Бузулукский уезд) жаловались на побои, которым они подвергаются со стороны стражников... Работающие в мастерской Бузулукской земской управы заявили иностранной делегации жалобу на недостаток выдаваемой им пищи, недоплату заработка и частые побои...»²⁴. Приезд делегации Красного Креста в Самарскую губернию, возможно, был следствием распространявшихся за пределами Российской Империи сведений «относительно будто бы крайне неудовлетворительного содержания в России военнопленных»²⁵.

В самой Империи существовали благотворительные организации, имевшие своей целью облегчение участи военнопленных, правда, не всех, а только славянского происхождения, что было следствием политики государства в этом вопросе. В октябре 1915 г. МВД был издан циркуляр «о необходимости совершенно обособленного размещения пленных рабочих славян от враждующих с нами мадьяр и немцев, как в месте их квартирования, так и при нахождении на разного рода работах», а в декабре 1915 г. – циркуляр о том, что было бы «крайне желательным предоставить военнопленным славянам,

находящимся на работах, некоторые льготы по сравнению с военнопленными мадьярами и немцами, а именно: разрешить военнопленным славянам прогулки по воскресным дням, допускать к ним их соотечественников для кратковременных бесед, разрешить чтение, пение, а равно устанавливать другие льготы, сообразно с местными условиями»²⁶.

В 1915 г. в Самаре был открыт отдел Всероссийского попечительства о пленных славянах, целью которого было «выделение ... славян из среды здоровых, больных и раненых военнопленных; регистрацию их; заботы об облегчении участи больных и раненых, и о размещении здоровых на работы по их специальностям; возможно широкое ознакомление пленных с Россией и подготовка из них убежденных и сознательных поборников ... славянской культурной идеи, и содействия переходу славян в русское подданство; материальную помощь нуждающимся славянам»²⁷. К сожалению, сведений о практической деятельности этого отдела нам обнаружить не удалось.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить следующее. В годы Первой мировой войны в Самарской губернии оказалось значительное число военнопленных – людей, оторванных от Родины, сломленных морально, а зачастую и физически. Использование труда военнопленных местным населением было вызвано катастрофической нехваткой рабочих рук во всех отраслях российской экономики. Неизбежные противоречия между военнопленными и местным населением в нашем регионе были связаны с трудностями военного времени, но никогда не перерастали в серьезные конфликты. Даже были отмечены случаи, когда военнопленные, получив возможность вернуться на Родину, оставались на самарской земле²⁸.

Примечания:

- ¹ *Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф. 153. Оп.36. Д.1442. Л.1.*
- ² *ЦГАСО. Ф. 153. Оп.36. Д.1442. Л. 20.*
- ³ *ЦГАСО. Ф.175. Оп. 1. Д. 1319. Л. 3-3об.*
- ⁴ *Там же. Л.129.*
- ⁵ *ЦГАСО. Ф.175. Оп. 1. Д. 1319. Л. 84.*
- ⁶ *Там же. Л. 48.*
- ⁷ *ЦГАСО. Ф. 153. Оп.36. Д. 1442. Л. 62.*
- ⁸ *ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1396. Л. 534-534 об.*
- ⁹ *Там же. Л.481.*
- ¹⁰ *ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д.1442. Л. 93.*
- ¹¹ *ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.1396. Л.59.*
- ¹² *Там же. Л. 361.*
- ¹³ *Там же. Л. 362.*
- ¹⁴ *ЦГАСО. Ф.153. Оп. 36. Д. 1442. Л. 72.*
- ¹⁵ *ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 37. Л. 268.*
- ¹⁶ *ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1396. Л. 461.*
- ¹⁷ *ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 37. Л.126.*
- ¹⁸ *ЦГАСО. Ф. 175, Оп.1. Д. 1396. Л. 83об-84об.*
- ¹⁹ *ЦГАСО. Д.1346. Л.8.*
- ²⁰ *ЦГАСО. Д.1396. Л.488об.*
- ²¹ *ЦГАСО. Ф.3. Оп.61. Д.26. Л.334.*
- ²² *ЦГАСО. Ф.175. Оп. 1. Д. 1396. Л. 4.*
- ²³ *ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2226 а. Л. 170.*
- ²⁴ *ЦГАСО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 538. Л. 2. 542.*
- ²⁵ *ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 880. Л. 23.*
- ²⁶ *ЦГАСО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 475. Л. 281об.-282.*
- ²⁷ *Волжское слово. 1914. 28 ноября. № 265. С.3.*
- ²⁸ *ЦГАСО. Ф. 175. оп.1. Д. 1346. Л.61.*